

Николай
Преображенцев

Мы, Божией
милостию, Николай
Вторый...

Историко-
фантастическая
повесть

Николай Алексеевич Преображенцев Мы, Божией милостию, Николай Второй...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28074250
SelfPub; 2017*

Аннотация

В историко-фантастичекой повести "Мы, Божией милостию, Николай Второй..." рассказывается о путешествии во времени современного молодого человека, который попадает в Россию конца 19-го века и оказывается в центре событий до и после коронации Николая II. В повести приводятся интересные факты о жизни России того времени и о нравах ближайшего окружения последнего российского императора. Описываемые в повести события дают пищу для размышлений о движущих силах и противоречиях, которые привели к трём русским революциям, а также позволяют провести некоторые параллели с проблемами сегодняшнего дня.

Содержание

Пробуждение	5
Обучение у камердинера	14
Завтрак для самозванца	18
На что жалуетесь, Ваше Величество?	24
Неожиданные визиты	29
Вдовствующая императрица	39
Лучший друг Сандро	43
Министр внутренних дел Горемыкин Иван Логгинович	47
Встреча на вокзале	53
Поездка домой	60
Сон	72
Завтрак с секретарём Государства Российского	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

* * *

Все описанные события и персонажи выдуманы автором от начала до конца, и их совпадение с реальными людьми и фактами имеет лишь случайный характер.

* * *

We are such stuff as dreams are made on, and our little life is rounded with a sleep.

W. Shakespeare. The Tempest.

Пробуждение

Свет, яркий пронизывающий свет прямо в лицо. Но глаза не разлепить, не открываются совсем, и ресницы склеились. Голова чугунная и даже звенит. И пустота во всём теле и какие-то токи по ногам. – Очнувшись, я понял, что лежу вверх лицом на мягкой поверхности, видимо, в кровати, и продолжал думать с закрытыми глазами. – Так, а что ж было вчера? Да по ходу нормально... Собрались с друзьями, выпивали вроде как обычно, без фанатизма. А потом девушки пришли. И одна из них – как её звали, Алиса или Аня? – мне очень даже понравились, даже поцеловались на кухне. А дальше-то что? Не помню, как отрезало. Почему ж мне так плохо-то, а? И голова кружится, как в водовороте... Так, надо постараться открыть глаза, спокойно, помогает от карусельного эффекта. Так, где это я? Надо резкость навести. О-па... Комната огромная, просто необъятная с высоченным потолком, а на нём лепнина, белые орнаменты и змейки. Люстра хрустальная и тоже огромная. Дом Гулливера какой-то. Так... медленно голову влево поворачиваем: окна тоже нереально большие, а на них тяжёлые, тёмно-зелёные гардины. А постель-то, постель: с атласными подушками и одеяло в шёлковом пододеяльнике и такая же шёлковая простыня. Такие только в музеях бывают. Или у олигархов на Рублёвке. Я не дома, тогда где? Что за мас-

карад? Нет, надо всё вспомнить: может поехали куда-то, на дачу к богатею какому-нибудь? Нет, не помню... да нет, не было этого. Помню, спорили без конца, с Санькой и с Андрюхой, о судьбах России, так сказать. И как бы нам её, а заодно и весь СНГ, обустроить. Однако спорить с ними тяжело, они оба исторический заканчивали, да ещё отделение политологии. А я-то с филологического, но на солидной иностранной фирме работаю, а они то ли аспиранты, то ли не пойми чего. Выпьют по полстакана, и начинается: как это всё получилось, да кто виноват? Один кричит: – Это всё Сталин, другой – нет, это Николашка кровавый всё замутил, тупая бездарь. И я тоже, туда же, брякнул: мол, поставь любого на его место, и то лучше бы справился. Нет, точно, это они меня разыграть решили, и пьяного отвезли в музей какой-нибудь, чтоб я проснулся и стал звать на помощь. Не дождутся. Главное не подавать вида, что я понял – не доставить им этого удовольствия. Надо спокойно встать, открыть дверь и посмотреть, что там.

Встать у меня получилось с трудом, ноги дрожали и не слушались, я спустил их вниз, сел и только тут заметил, что одет в нечто неправдоподобное – белую рубашку из мягкого материала, похожего на тонкий хлопок. Я оглянулся вокруг: моей одежды нигде видно не было. – Переодели, гады, для полноты ощущений. Не, ну я им тоже какую-нибудь подлянку устрою. – Я всё-таки встал, всунул ноги в стоящие тут же кожаные шлёпанцы с загнутыми носами, медленно пошёл к

двери и осторожно приоткрыл её. За дверью был бесконечный коридор со слепящим глаза паркетом и такими же высоченными окнами. Не успев до конца оценить вид ухоженного парка с посыпанными песком дорожками, я краем глаза заметил, буквально в двух метрах от себя, пожилого человека с бакенбардами и в ливрее. – Ваше Величество, вот вы и проснулись, а я уж и так будить вас хотел, – сказал человек, кланяясь мне почти до полу. – А, да... – пробормотал я испуганно, – я сейчас, подождите немного. – И быстро захлопнул дверь. – *Ничего себе, и артиста наняли, чтоб меня доконать. Стоп, у моих друзей на это денег точно нет. Тогда кто же это шутит со мной?* – мысленно спросил я себя, посмотрев почему-то вверх. Хмель, если это был хмель, мгновенно слетел с меня, и я окончательно проснулся. Не зная, что делать дальше, я двинулся обратно к широкой кровати и заметил слева, у другой стены большое, до полу зеркало в тяжёлой золочённой раме. Я машинально взглянул в него и... увидел не себя, а совершенно другого человека. Похолодев до кончиков ног и весь внутренне сжавшись, я не заорал и не упал в обморок, а продолжал напряжённо разглядывать своё отражение. Я как бы стал ниже ростом, на моих руках округлились широкие мускулы, которых у меня отродясь не было, но главное лицо... Оно было моё и не моё одновременно, глаза вроде бы мои и прямоугольный лоб, но откуда эти рыжеватые усы и борода?... Я таких никогда не отращивал, потому что росли они у меня всегда кое-как, клоками... Не

успев даже подумать о гриме, я дёрнул себя за ус, а потом за бороду и чуть не закричал от боли. Они были настоящие. Вместо того, чтобы позвать на помощь, я продолжал стоять и тупо смотреть на себя в зеркало. Мысль на удивление работала спокойно и чётко: — *Если я сошёл с ума, и мне всё это чудится, то может ли мне быть так больно? Хотя... у сумасшедших всё может быть.* — Я продолжал вглядываться в зеркало, и лицо в нём показалось мне удивительно знакомым. Сомнений быть не могло, предо мной стоял молодой император Николай, Николай Александрович Романов. Ноги мои подкосились, но я успел ступить два шага в сторону и рухнуть в широкое кожаное кресло с резными подлокотниками. — *Жалко всё-таки сойти с ума в 28 мальчишеских лет,* — думалось мне, — *а, может, вчера было ещё что-то покруче: грибы там или ЛСД? Нет, вряд ли... Или мне всё это просто приснилось?* — Я снова встал, больно ущипнул себя несколько раз за руки и за ноги и опять подошёл к зеркалу.

— *Вот он я, и чувствую себя как обычно, если не считать шума в голове, вот мои руки, ноги, голова на месте, и тем не менее я — совершенно другой человек. Этого не может быть, и в то же время это — есть. А что если путешествия во времени всё-таки существуют? Ну да — как же, ещё и с одновременным перевоплощением...* — Несмотря на полную неадекватность происходящего, я даже хихикнул. — *Что же произошло? И как на всё это реагировать? Телефона мобиль-*

ного с собою нет, раз нет и одежды, это понятно, значит позвонить и спросить не у кого. Нет, надо позвать кого-нибудь, а то пить хочется, а главное – в туалет. Не бесконечно же сидеть в этой комнате. Если это бред, значит бред, а если это всё-таки розыгрыш – значит розыгрыш. Надо позвать этого, в ливрее, и всё выяснить. Звонок на столике. Только как его назвать? Вот, придумал: назову его «голубчик» – хорошее слово, на все случаи жизни. Только что я ему скажу? – И тут меня словно озарило: – Вот она мысль, спасительная... Скажу, что вчера сильно головой ударился и ничего не помню, пусть смеются, если что. – И я позвонил в ЗВОНОК.

Дверь медленно отрылась, человек в ливрее, слегка шаркая ногами, подошёл ближе и участливо посмотрел на меня. – Вы, батюшка Николай Александрович, поздненько вчера пришли, а, по чести сказать, привезли вас кавалергарды, ну так я вас вчера раздел и уложил, а то вы сильно устали были. – Если это актёр, то актёр великолепный, прям Папанов. А если нет? – Я слегка кашлянул: – Видишь ли... хмм... голубчик, я вчера сильно ударился головой, и ничего не помню. – Я потёр голову рукой, и к своему изумлению обнаружил на ней огромную шишку. – Вот болит, – сказал я беспомощно. – Ай, яй, яй, беда-то какая, может, доктора вызывать? – Нет, не надо доктора, – сказал я, холодея внутри, – а вот попить... – Сейчас я мигом водички зельтерской, – засуетился старик, – а вы тут пока умойтесь, оно помогает, –

и старик распахнул дверь в туалетную комнату, которую я бы ни за что не нашёл, так как она, дверь, полностью сливалась с обоями. Я вышел в просторную ванную и подошёл к овальному зеркалу над раковиной и туалетным столиком. На меня посмотрело всё то же лицо с бородкой и усами. Я надолго закрыл глаза и снова их открыл. Наваждение не ушло. Я внимательно осмотрел ванную, в ней не было ни одного куска пластмассы и даже резины – только металл и дерево. На подзеркальнике стояли туалетные принадлежности: зубные щётки, бритвы, помазок и прочее. Всё это было сделано из странного желтовато-белого материала, по цвету напоминающего зубы немолодого человека. – *Боже ж мой, – догадался я, – так это же слоновая кость. Нет, так всё придумать, так всё обставить, притащить весь этот антиквариат – невозможно. А значит, что это – всё наяву? Что же это, как же это?* – Мои пальцы лихорадочно царапали умывальник, руки и ноги дрожали противной дрожью. – *Неужели это не сон и это навсегда? И за какие грехи мне чаша сия? Ему, Николаю императору это чаша была уготована с рожденья – а мне-то за что?*

Ужасное утро, длиною в полжизни. Я снял рубашку, полез в стоящую рядом ванну и облился из душа с головы до ног. Но мысли продолжали копошиться в моей, слегка протрезвевшей голове: – *Что же делать? Притвориться? Сделать вид, что ничего не случилось и начать жить другой, его жизнью? А вдруг раскроют, станут пытаться или ещё*

что-нибудь... Нет, нет притворяться невозможно: я ведь не знаю никого и ничего. Ни светских манер, ни знания приличий, ни благовоспитанности – ничего во мне этого нет. А ещё этикет: как и куда ходить, как себя держать? Ну, да, хорошо, интересовался я историей Романовых в университете, даже хотел диссертацию писать об особенностях языка времён Александра 3-го... И, и что же теперь получается: Александр Александрович – это что же батюшка мой, отец родной? Да, похож я на того Николая... зеркало врать не будет. Но что толку в похожести? – под сердцем у меня опять заныло. – Начнут задавать вопросы и разоблачат тут же... Или кто-то из родственников не узнает. И что потом? Объявят самозванцем и удавят где-нибудь потихоньку. Но и открыться нельзя, невозможно. В то, что я пришелец из будущего, всё равно никто не поверит. Да я и сам себе не верю... В лучшем случае признают сумасшедшим и отправят в соответствующее заведение. Значит, притвориться, замаскироваться – это единственный выход. Главное не выдавать себя. Только бы не появился настоящий Николай – тогда конец. Подозрения у многих, конечно, будут, обязательно будут. Но и выхода у этих, как их, у царедворцев тоже нету: как объяснить народу и всему миру, что произошло? Если царя подменили, тогда кто подменил и зачем? И куда подевался истинный император? – Я почувствовал нарастающую боль слева в груди, но продолжал лихорадочно размышлять: - Только не паниковать, только

без паники... Я справлюсь, всё получится... Хорошо, что я хоть английскую школу закончил. Да ещё мама, царствие ей небесное, обучала французскому. И в университете немецкий худо-бедно... Ну и историю я знаю довольно хорошо, не благодаря преподавателям, конечно, а благодаря самому себе, своему любопытству. Но в какое же сравнение идёт это с образованием последнего царя? Там, вроде бы, его обучали специальные учителя по специальной программе, чтобы потом он мог государством управлять. Один Победоносцев чего стоил, как его там по имени-отчеству – не помню. А у нас в университете были профессора Дудышкин и Козлов – как говорится, почувствуйте разницу. Кстати, как их по отчеству, я тоже не помню. Ничего не помню. Ужас, ужас.

Я вытерся белоснежным полотенцем, вышел в спальню и с наслаждением выпил слегка газированной воды из принесённого ливрейным человеком высокого стакана. – Так, надо опять звать того, с бакенбардами. И спокойно всё ему объяснить: мол, ударился головой и сильно, а потом всё как отрезало: ничего не помню, как будто заново родился. Кто-то мне говорил, что даже сейчас, в 21-м веке установить сотрясение мозга нельзя иначе, как со слов потерпевшего, а в 19-м тем более. А дальше: надо попросить его о помощи, деваться всё равно некуда. Он, видно, старый слуга императора, и если только не поднимет сразу шум, то всё объяснит, всему научит и будет подсказывать, как себя вести. Хотелось бы в это верить... Нет, обязательно надо привлечь его

на свою сторону, пока я на кого-нибудь другого не напоролся. — И я опять позвонил в звонок.

Обучение у камердинера

– Голубчик, – сказал я ливрейному, сидя в кресле всё в той же белой рубашки до пят, – я, видно, ударился головой вчера ночью и... ничего не помню. То есть совсем ничего. Нет доктора не надо, то есть не сейчас, попозже позовём. Я буду полагаться на вашу помощь. Вы согласны мне помочь и ничему не удивляться? – Да я за вас, Ваше Величество! – старик вдруг бухнулся на колени, лицо его выражало безмерное волнение и тревогу. – Ну, будет, будет. – сказал я, неожиданно для самого себя. – *Царственность появилась, откуда это у меня? Не прост ты, Колька,* – подумал я и засунул руки в подмышки, чтобы они меньше дрожали. – Ну-с, начнём, как вас зовут? – Чемодуров, Терентий Иванович. – Откуда вы? – Из Полтавской губернии, там хутор имею. А здесь при дворе уже 10 годов, и уже пять лет ваш камердинер, 200 рублёв вашими благодеяниями в месяц получаю. Ваше Величество, – лицо камердинера выразило страдание, – вы только будьте здоровы и не хворайте, куда ж я без вас? А память, она вернётся обязательно.

– *Отлично,* – подумал я, – *старик точно меня признал, и даже не сомневался ни секунды. А привычка беспрекословно подчиняться и отвечать на вопросы – это тоже хорошо.* – Ну что ж, давайте продолжим: какое сегодня число? – 3 мая 1896 года от Рождества Христова. – Я слегка вздрогнул,

последние надежды на дурацкий розыгрыш провалились как в яму. Я сглотнул слюну. — А час который? — Да уже девятый. Умываться да одеваться пора. — А что на сегодня намечено? — Завтрак уже накрыт, дочь вашу принесут, вы по утрам любоваться изволите. — Дочь? — Да, доченька ваша Оленька. Полгодика сегодня исполняется. А дальше там кабинете на столе расписание визитов. А к вечеру встреча на вокзале, супруга ваша, Александра Фёдоровна сегодня приезжает. — Приезжает, откуда? — Из Германии. Захотела, на родине побывать перед коронацией. А вы не поехали, на дела сосламышись. А сами вчера с великими князьями в Мариинский театр, напоследок. И потом на острова... еле привезли вас вчера в пятом часу. — Так, понятно. И... где я сейчас? — Так это ж Александровский дворец в Царском селе. Вы же его сами перестроить велели — только что закончили. — *(Никогда не был, надо было родиться в Петербурге)*. — А днём в 2 часа здесь обед с матушкой вашей Марией Фёдоровной. Да ещё дядья ваши могут прийти после обеда — они без доклада ходят. А вам, Ваше Величество, одеваться пора, — Чемодуров, показал рукой на переносную вешалку, на котором висел военный мундир, под ним стояли начищенные до блеска сапоги. — Вот мундир ваш пехотный, больше ничего не велите подавать. И сапожки. Я вам всё подсобрать хочу, да вы не велите, сами одеваетесь. — Хорошо, расскажи-ка мне про дядёв пока. — Я стал одеваться, а Чемодуров всё говорил и говорил, не умолкая: — Семья-то, госу-

дарь, у вас большая. Во-первых, жив ещё брат дедушки вашего великий князь Михаил Николаевич, председатель Государственного совета. Очень осанистый. Дальше по старшинству идут четыре родные дяди ваши, четыре брата покойного Александра Александровича. Великий князь Владимир Александрович – большой человек, громкий. А уж поесть любит! Да только французское всё, тонкий вкус имеет и Академии художеств покровительствует. Балета любитель и командир Гвардейского корпуса. – И как командует? – Да как положено. Только вот жена у него католичка – батюшка ваш не жаловал. Затем великий князь Алексей Александрович, красавец, только уж тяжёл больно, но дамам – что, так и льнут. Он – главный моряк, главный адмирал то есть, но это дело не шибко любит. Говорят, на заседаниях Адмиралтейства нальёт другим членам совета коньячку, и всё как по маслу. Дальше третий дядя ваш, Сергей, вот кого не люблю. Он нас за людей не считает... Командир Преображенского полка и Московский генерал-губернатор. А жена у него ангел – Елизавета Фёдоровна, родная сестра жены вашей Александры Фёдоровны. И надо же такому бирюку такое сокровище! А четвёртый дядя ваш Павел, вот уж: и симпатичный, и милый, и собой хорош. Жаль только что супруга его греческая принцесса померла. Но ничего, он утешение себе найдёт.

– А братья и сёстры у меня есть? – А как же! Двое братьев: Георгий и Михаил; и сестёр две: Ольга и Ксения. Георгий, он – цесаревич и наследник престола, пока у вас сыновей нету.

Только вот хворает он сильно, на Кавказе живёт, лечится. А пока он здесь был, вы всё шуточки-прибаутки за ним записывали и в шкатулку складывали. И младшенький Миша, милый, приятный – золото, а не человек. А ещё есть одиннадцать двоюродных дядьёв. – О, Боже мой, одиннадцать? О них потом. А на каком языке все разговаривают? – На русском, а то как же, батюшка ещё ваш повелел. Только вы с супругой на английском да иногда с дядьями на французском. – Чемодуров продолжал с удовольствием болтать, а я опять целиком ушёл в свои мысли: – *Так, с языками, слава Богу, проблем не будет. Но надо найти ещё кого-нибудь, чтоб обучил этому, этикету. Да и с религией. Хорошо, что меня ещё бабушка в церковь водила и креститься учила. И говорить надо по-другому, совсем по-другому... никакого жаргона и слов-паразитов: типа, короче, в натуре... И никаких «блинов», а уж мата тем более – надо следить за собой постоянно.*

Завтрак для самозванца

Чемодуров продолжал бурчать, но уже тише, себе под нос, а я сделал над собой усилие и опять подошёл к зеркалу. Простой, цвета хаки мундир сидел на мне отлично, как влитой. Но меня ещё раз неприятно поразило, что я как будто бы стал ниже ростом. – Пора идти, – сказал я несколько вопросительно. Старый камердинер отрыл передо мной тяжёлую дверь и бодро засеменял чуть впереди меня по коридору, не переставая говорить. – Вот сейчас из левой половины, из спальни вашей мимо Сиреневого кабинета и Палисандровой гостиной пройдёте через Парадную часть на правую половину, в столовую. – Мы вышли из коридора в безумно красивый зал, который Чемодуров назвал анфиладой: по её бокам стояли мощные колонны из светло-коричневого камня с прожилками, на стенах висели огромные картины, изображающие сцены охоты и других забав 18-го века. – А здесь полукруглый зал и портретный, – продолжал Чемодуров, – а там бильярдная и зал с горкой. – Зачем горка? – поинтересовался я. – А для посуды и подарков, дарят вам всё. – А там что? – махнул я рукой направо. – А там ваш рабочий кабинет, где вы посетителей принимаете, и церковь. – Я, пожалуй, в церковь зайду, – принял я внезапное решение. Дворцовая церковь показалась мне больше похожей на ещё одну высокую и пустынную залу, белые колонны, лепнина создавали не ощущения

уюта, а затерянности и пустоты. Я подошёл к деревянному иконостасу с иконой Богородицы слева, а Иисуса справа от двустворчатой дверцы, над которой теплились, мигая язычками, три лампы. Не зная, что делать и куда девать свои руки, я смотрел в лицо Христа с чёрными, строгими глазами и стал шептать про себя, вздрагивая и крестясь, как учила бабушка. – *Боже, если ты есть,* – шептал я, шевеля губами, – *помоги мне – отправь меня назад, в моё уютное и тёплое время. В эту милую и почти беззаботную жизнь. Да, я один на всём свете, мама моя умерла пять лет назад, отец женился на другой и уехал в Новую Зеландию, и я его почти не вижу. Братьев и сестёр нет, только тётушки двоюродные. И всё равно та моя жизнь была прекрасной: друзья у меня были, квартира и работа тоже, ну да, запарки бывали на фирме, но это так – в своё удовольствие. Неужели ли я никогда её, свою прошлую жизнь не увижу? Интересно, а я там остался и перенёсся сюда полностью? Если так, то они наверное ищут меня. Неужели я так вот и исчезну, неизвестно кану, так сказать, в свои 28 лет? И не жил даже ещё...* – Я понял, что если останусь здесь стоять, то окончательно раскисну, и вышел вон из церкви.

У дверей меня ожидал верный Чемодуров, который повёл меня дальше. На пороге столовой я заметил пожилого человека в сияющем мундире и со множеством орденов. Человек стоял к нам боком и смотрел куда-то вдаль. – А это кто такой нарядный? – тихо спросил я Чемодурова. – Да это

же министр двора Воронцов-Дашков, Илларион Иванович, граф, – шепнул он мне в ответ, – говорят слабеет умом от старости. – Министр двора с двойной фамилией, видный и представительный мужчина, лет 60-ти, с бритым лицом и лихими усами, торчащими в разные стороны (*неужели напомаженными?*), щёлкнул каблуками начищенных до зеркального блеска сапог и поклонился. – Здравствуйте ммм... генерал, то есть граф. Что у вас? – Извольте, Ваше Величество, сегодня выслушать мой всеподданнейший доклад по подготовке к коронации. – Хорошо, только вот позавтракаю. – Я сел на один из белых стульев у большого стола, накрытого белоснежной скатертью. Всё в этой столовой было белое: и шкаф по стенами, и посуда и даже обрамление массивного камина. Неслышный лакей в белых перчатках налил мне кофе и молоко из блестящих никелем кувшинов, и я принялся есть накрытый передо мной английский завтрак с яичницей и беконом, стараясь не показывать своего аппетита. Воронцов-Дашков почтительно сел рядом, но не притрагивался к еде. Повисла пауза, и я почувствовал, что обязан что-нибудь сказать. – Знаете ли, Илларион э-э Иванович, – я, к сожалению, сегодня не здоров. Вчера сильно ударился головой и не могу сосредоточиться. Даже элементарные вещи забываю. Скажите, вы отвечаете за мой распорядок дня? Прикажете отменить все встречи на сегодня. И вызовите мне доктора. – Я распоряжусь, Ваше Величество, не извольте беспокоиться. Это и хорошо, что вы без визитов сегодня: столько бумаг у

вас на подписи лежит. Я вам и доклад по коронации присо-
вокуплю. — А нельзя, чтобы сначала кто-нибудь посмотрел
и составил... краткое содержание. — Да как же можно, Ва-
ше Величество? Вы же сами по завету батюшки вашего от
личного секретаря отказались. Сказали, что толки пойдут,
что, мол, секретарь излишнее влияние иметь может. Снача-
ла, помню я, вы в ужас пришли от количества бумаг, а по-
том ничего, втянулись. А доктора какого Вам прислать? — А
какой лучше? — Может, Алышевского, он ещё брата вашего
лечил? — Да, конечно. Алы...шевского. — Человек с двойной
фамилией протянул мне пухлую папку с документами. Но
не успел я развязать на ней тесёмки, за дверями столовой
послышался шелест, похожий на приглушённый шум при-
боя на берегу моря. Дверь растворилась, и из нее показалось
несколько женщин, одна из которых несла на руках белый
кокон, утопающий в узорных кружевах. — А вот и дочурка
Ваша! — подобострастно склонившись, пролепетала одна из
женщин. Мне ничего не оставалось, как взять кокон на ру-
ки. — *Слишком мала, узнать или не узнать не может,* —
пронеслась утешительная мысль. Я откинул кружевной тре-
угольник. Девочка с интересом уставилась на меня своими
полусонными глазёнками. — *Боже мой, какая хорошенькая!*
— подумал я невольно. И вдруг это полугодовалое создание
улыбнулось мне во весь рот. — Она вам всегда так радуется,
Ваше Величество, — пропела одна из нянюшек. — *Так, и дочка*
меня тоже узнала! — На моем лбу выступил холодный пот, и

колени противно задрожали. — *Чего ж я тогда так трушу?* — Я быстро отдал бело-розовый свёрток обратно кормилице. — Граф, — обратился я к министру, — проводите меня в кабинет. — Воронцов-Дашков очень проворно для своих немальчишеских лет повёл меня по коридору. — *Вот и кабинет. Боже, какой завал бумаг: и на столе и рядом на стульях и даже на специально привезенной тележке. Нет, это невозможно даже прочитать, не то, что понять!* — Илларион... эээ... Иванович, надо с этими бумагами, что-то делать! Я не здоров, плохо себя чувствую. А дела стоять не могут, правильно? Ну, хорошо, секретаря у меня нет, но хоть канцелярия есть? — Есть канцелярия по рассмотрению прошений. — Каких ещё прошений? — Воронцов-Дашков удивлённо устоялся на меня. — Как, Ваше Величество? Там же целый список: об усыновлении детей, например, об изменении фамилий, о подданстве российском, о постройке церквей и молитвенных домов, о разрешении евреям проживать вне черты оседлости, да мало ли... о разрешении врачебной, промышленной и торговой деятельности, о выдаче ссуд и пособий... — Хорошо, хорошо, я вас услышал. — Старый министр посмотрел на меня с ещё большим изумлением, и я понял, что сказал что-то не то. — Неужели это всё моя личная канцелярия должна рассматривать? — Таков порядок, государь. Есть ещё канцелярия при Государственном совете, там они законы и всякие другие государственные дела подготавливают. — Хорошо, а кто там начальник? — Фон Плеве, Вячеслав Константинович,

Государственный секретарь. Вы же его сами назначили. – Ну да, ну да, памяти никакой. Вызовите его, я объясню, что надо делать. – Слушаюсь, а доклад о коронации я, с вашего дозволения, на столе оставлю.

На что жалуетесь, Ваше Величество?

Не успел я вернуться в свой кабинет, как на столе зазвонил телефон. Это был странный аппарат, без кнопок и даже без диска, его деревянная трубка просто висела горизонтально на металлическом рычаге. Я опасливо взял телефон, и в нём послышался уже знакомый мне голос министра двора: – Ваше Величество, доктора прибыли: Алышевский и Шершевский. – Почему двое? Я одного просил. – А говорят, им посоветоваться друг с другом нужно. – *Так, тут все фамилии, похоже, в рифму,* – заметил я про себя. – Хорошо, просите через 5 минут. – Я подошёл к окну кабинета, за ним виднелся абсолютно пустынный парк, на стоящих в ряд берёзках набрякли молодые, почти жёлтые листья. – *Кабинет – странное место для осмотра, но, видно, я здесь всех посетителей принимаю.* – В дверь постучали, и два светила науки в белых халатах неуверенно вошли в кабинет. – *Они трусят ещё больше, чем я,* – мелькнуло у меня в голове. – Присаживайтесь, господа, – сказал я, медики переглянулись, и я понял, что опять что-то не то сморозил. – Они назвали свои фамилии, но остались стоять и один из них постарше спросил, покашляв: – На что жалуетесь, Ваше Величество? – Прошу хранить конфиденциальность, господа, – начал я усевшись в

кресло. – Вчера, у нас мальчишник, так сказать, был на островах, позволили себе несколько лишнего. Не помню, как меня домой довезли. Утром понял, что сильно ударился, видите: шишка, но как и когда... – я развёл руками. – Но главное в другом, – я внимательно посмотрел на их лица, оба были с бородами и в пенсне. – Я, господа, с сегодняшнего утра, после этого удара или падения ничего не помню – ни лиц, ни фамилий, ни известнейших фактов. Ничего. Может такое быть? – Очень даже может, – ответил старший, и я физически почувствовал, что у него отлегло от сердца. – Временная потеря памяти – амнезия – случается часто. Вот недавно под Москвой случай был. Полез один мещанин в Звенигородском монастыре в купель, а в ней вода постоянно, зимой и летом, 4 градуса, окунулся с головой, вылез и ничего не помнит: где он, зачем приехал... Но потом ничего, отошло. Или такое бывает от интенсивных физических нагрузок или излишней половой деятельности, – доктор помолже посмотрел на меня с интересом. – Разрешите вас осмотреть, – продолжал старший. – Нет, только китель и рубашку, пожалуйста. – Я разделся до пояса. Доктора быстро и профессионально осмотрели меня, заставили высунуть язык, посмотреть за их пальцами влево и вправо, дотянуться с закрытыми глазами до кончика носа, молоточком потыкали в мои колени. Потом отошли в сторону посоветоваться. Из всех слов, что они бубнили, я слышал только: субарахноидальное кровоизлияние, и слово это облегчение мне не принесло. Но

тут доктора подошли ко мне обратно с улыбающимися лицами и старший объявил: – Ваше Величество, не волнуйтесь, предварительный осмотр показывает: вы совершенно здоровы. А для шишечки мы вам мазь доставим. Но нужен полный осмотр. Дозвольте завтра в 9 утра? – Хорошо, согласуйте с Министром двора. А зачем полный? – Чтобы исключить возможность... чего-нибудь нехорошего. – Ну, что же, господа, я вас больше не задерживаю.

Всё это утро я чувствовал себя, как, наверное, чувствует себя актёр, которому поручили играть определённую роль, но забыли дать прочитать сценарий. Всё, что я делал и что говорил, казалось мне плохой импровизацией на заданную тему. И тем не менее первое испытание этой ролью я, видимо, выдержал. И, главное, стал говорить, как они, и даже вальяжность какая-то во мне появилась. – Господа, я вас больше не задерживаю – из каких дешёвых сериалов я этого набрался? Да, и накосячил слегка. Зачем мне, например, понадобилось сказать: Я вас услышал? Что это ещё за жаргон? Не хватало ещё спросить, как поляну делить будем. – Я ухмыльнулся, и тут же помрачнел: – А всё же, куда девался тот, настоящий император? Или мы с ним поменялись местами, и он водку пьёт с моими друзьями, а те над ним потешаются. Не дай Бог, в психушку сдадут, этого ещё только не хватало. – Чтобы отвлечься, я взял со стола доклад о коронации, сел и стал внимательно читать. Совсем скоро, через неделю в Москве должно состояться нечто гран-

диозное. Строятся и уже почти готовы специальный помост в Кремле и павильон на Воробьёвых горах, на торжества по этому случаю в Москву съедутся несколько тысяч представителей всех губерний и сословий, более 100 иностранных посольств, в том числе: его светлость Эмир Бухарский Сеид-Абдул-Ахад-Хан с сыном-наследником, а также его высочество Хан Хивинский Сеид-Могамет-Рахим-Богадур-Хан. *-Хорошо, хоть оба Сеиды, не запутаешься.* – Готовятся торжественные обеды, для этого в апреле 1896 года из Петербурга в Москву было привезено столовой утвари более 8 000 пудов, причём одних только золотых и серебряных сервизов – до 1 500 пудов. А в Кремле устроена специальная телеграфная станция на 150 проводов для соединения со всеми домами, где останутся чрезвычайные посольства. Сформирован коронационный отряд в числе 82 батальонов, 36 эскадронов, 9 сотен и 28 батарей – под главным начальством великого князя Владимира Александровича (*это что – мой родной дядя что ли?*). А через 4 дня после коронации, то есть 18 мая, на Ходынском поле планируется народное гуляние и раздача бесплатного угощения. Ходынское поле... я невольно поёжился. Вдруг в моём мозгу пронеслось странное видение: Ваганьковское кладбище, какие-то кусты и бетонный, позеленевший от времени монумент в виде креста. – *Ходынка – вот это что!* – Я снял телефонную трубку, в ней приятный женский голос сказал мне: Алло! – Соедините, пожалуйста с министром двора, – и

через секунду услышал хрипловатый голос Воронцова-Дашкова: – На проводе! – Илларион Иванович, нельзя ли отменить коронацию? – Что? – Я почувствовал, что ещё секунда, и у человека на том конце провода случится инсульт. – То есть не коронацию, а народные гуляния после неё. Сколько на это предполагается затратить? – Не знаю, надо у Витте спросить! – *Витте, Витте, – подумал я, – фамилия знакомая. А не премьер ли это министр? Или министр финансов по крайней мере.* – А вслух продолжил: – Может, эти деньги на что-то другое пустить можно? – Ваше Величество, – пришёл в себя Воронцов-Дашков, – да о чём вы говорите! Это же для всей империи событие главное. Весь народ будет веселиться и радоваться подаркам и угощению. Это же традиция, спокон веку такое было, при всех коронациях. – Илларион Иванович, я вам должен честно признаться, я после этого удара... очень себя плохо чувствую. Саму церемонию ещё может быть выдержу, но это народное гуляние и балы всякие – боюсь, меня на это не хватит. – Мужайтесь, Ваше Величество, – голос министра двора смягчился, в нём слышались отеческие нотки. – Это же миропомазание, венчание на царство. Это же сам Господь Бог вам власть вручает! И в этом есть высший смысл: на вас единственного обрушивается то, что другим не дадено. Потому что: как нет выше, так нет и труднее на земле царской власти, нет бремени тяжелее царского служения. – Мне показалось, что при этих словах старый человек у аппарата даже прослезился.

Неожиданные визиты

Я вновь позвонил в звонок. Чемодуров немедленно вошёл в кабинет; видимо, он, как верный пёс, сторожил меня под каждой дверью. – Тэкс, голубчик, – сказал я, уже не чувствуя никакого страха и стеснения перед камердинером, – напомни-ка мне о других родственниках. – О дядях двоюродных ваших? Их одиннадцать всего. – *Жесть*, - чуть не вырвалось у меня, – *как их всех можно запомнить?* – А Чемодуров продолжал бубнить с видимым удовольствием: – Во-первых, у покойного великого князя Константина Николаевича, сына государя нашего Николая 1-го, есть два сына: Константин и Дмитрий. Старший из них, Константин Константинович – поэт и, говорят, талант большой. Да, и в Эрмитажном театре играет. Только вот политику, министров всяких он не любит, и вам он, конечно, не помощник. А великий князь Дмитрий, так тот – кавалерист, э-эх... лихой. Его при дворе все побаиваются. Как выпучится на тебя, да как гаркнет: – Война с Германией неизбежна! – так прям душа в пятки! И слабый пол шибко не жалуется, даже мне говорил: – Терентий, берегись юбок! – Но самый уважаемый из всех – так это Николай Николаевич младший, сын Николая Николаевича старшего. Вот это князь так князь: высок, статен, умён – он вот ваша опора и есть. А уж каков офицер – редчайший, дисциплину знает, парады так организует, что все солдаты как по струнке

идут. Его брат Пётр Николаевич, хороший человек, молчаливый такой и застенчивый, только хворает очень, в Египте живёт, от туберкулёза лечится. А женаты они на сёстрах – принцессах Черногорских – Стане и Милице, вот уж те за-тейницы, кого только ко дворцу не приводили – и магов, и чародеев, и волхвов, и прорицателей. Не соскучишься! – Чемодуров вздохнул и вытер ладонью губы от усердия. – *Это точно, - невольно усмехнулся я про себя, – от этих Николаичей и Константинычей у любого голова пойдёт кругом.* – Но верный слуга отнюдь не собирался заканчивать. – Дальше идут Михайловичи – сыновья Михаил Николаевича, брата Константина и Николая Николаевича старшего – а все они сыновья Николая 1-го Павловича. – *Кошмар, запомнить всё это невозможно!* - Их целых 5: все они не от мира сего, всем им чего-то надо. Старший Николай вместо того, чтоб делом заниматься и войсками командовать, всё за книгами сидит, всё пишет чего-то. И только по-французски говорит, слова нормального от него не дождёсь. Второй брат – Михаил Михайлович, его за глаза Миш-Миш называют, вот кто вояка, и красавец, и танцор. Как он женился, так многие дамы в Петербургских салонах плакали, ой плакали! А и женился на ком, не понятно, какая-то англичанка русских кровей, не царского рода. Так он, по вашему повелению, с ней в Лондоне теперь живёт. И правильно, знал ведь, что не положено. А Георгий Михайлович, третий брат, тот с Петром Николаевичем два сапога пара, всё лошади да лошади. Два других

брата – Сергей и Александр, которого все Сандро называют, это ваши друзья детства. – А почему Сандро? – А на Кавказе долго жил, совсем огрузинился. И он поприветливей Сергея будет, тот всё обижается, чуть что. И к тому же Сандро на вашей сестре Ксении женат. – Как, он же её дядя! – Так троюродный же. И к тому же живут они, вроде, хорошо. Но это ещё не все. Есть ещё владельцы князья. Евгений, сын великой княгини Марии Николаевны, герцог Лейхтербергский, он здесь в России живёт, остальные за границей. Женат он на сестре победителя турок генерала Скобелева. Эээх, Зинаида Дмитриевна – такая красавица, и зачем её Бог послал этому Лейхтербергскому недалёкому. А есть ещё принц Ольденбургский Александр Петрович, командир Гвардейского корпуса. Вот уж крут, так уж крут – за дисциплиной сильно следит и никому спуска не даёт. При его приезде с инспекцией у дежурных офицеров, говорят, нервные припадки делаются, а солдаты, те вообще в непрерывной панике пребывают. Но, однако ж и меценат – всяким учёным и путешественникам покровительствует.

Моя бедная голова, только что вставшая на своё место, после прекрасного завтрака и кофе, от обилия великих и владельцев князей вновь стала кружиться, как на карусели. И я даже обрадовался, когда на столе вновь зазвонил деревянный телефон. – К вам министр финансов Витте, Ваше Величество, – отчеканил, видимо, дежурный офицер охраны. – Я же велел, на сегодня все визиты отменить! – Говорит, дело

срочное, не терпит отлагательства! – Ну, ладно, проси. – Как его там, Витте, по батюшке? – спросил я Чемодурова. – Сергей Юльевич, – бросил он на ходу и спешно удалился. Через минуту по коридору послышались быстрые и уверенные шаги, дверь распахнулась, и кабинет стремительно ворвался, как степной ветер, довольно грузный 40-летний мужчина с бородой и усами. – *Что за мода такая?* – подумал я невольно, – *кто-то мне говорил, что в то время только артисты бритыми ходили, чтобы удобнее было разные бороды наклеивать.* – Министр финансов, с чёрными, но уже начинающими седеть волосами, огромным высоким лбом и набрякшими мешками под глазами, быстро приблизившись, поклонился. Я машинально протянул ему руку, которую он с некоторым удивлением пожал. – Ваше Величество, срочно нужно ваше решение! – даже не спросив меня ни о чём, начал он. – Подождите, Сергей Юльевич, – остановил я его, подняв руку, чтобы сдержать его напор. – Подождите. У меня, знаете ли, неприятность: вчера я где-то поскользнулся, упал, очнулся утром и ничего не помню. – То есть как это, Ваше Величество? – А вот так: совсем ничего. И никого. – Витте выглядел озадаченным, но, видимо, в свойственной ему манере, решил говорить всё, что ему приходит в голову. – А меня вы, государь, узнали? – Вас невозможно забыть, Сергей Юльевич. – Довольный своим ответом, я опустился в удобное кресло, которое приятно расслабило тело, и почувствовал себя совершенно свободно. – *Император так импера-*

тор, даже интересно, чем всё это кончится. – Так какое у вас дело? – Нужно ваше высочайшее одобрение на постройку Маньчжурской железной дороги: от Читы через Харбин до Владивостока. Контракт с китайцами на строительство готов. – Так, в чём же дело? Присылайте, я подпишу. – Есть одно щекотливое обстоятельство, Ваше Величество. Наместник китайского императора и фактический правитель страны Ли Хунчжан просит себе на личные, так сказать, расходы колоссальную сумму – полмиллиона рублей. Он завтра прибывает в Одессу, чтобы участвовать в вашей коронации, поэтому надо решить вопрос, немедленно. – А много это, полмиллиона? – Это поболее тридцати моих годовых зарплат, Ваше Величество. Правда, я до того, как ваш батюшка уговорил меня перейти на госслужбу, в 2 раза больше получал от своих коммерческих предприятий, и тем не менее. – Так, интересно. А почему же вы решились оставить вашу выгодную деятельность ради... такой зарплаты? – Услышав последнее слово, Витте выказал некоторое изумление. – Я никогда, государь, взяток не брал и не собираюсь! Я служу, Ваше Величество, как это ни высокопарно звучит, только вам и России. – Витте разгорячился, на его лбу выступили капельки пота, а в речи явственно послышался южный акцент. – Ну не кипятитесь, Сергей Юльевич, – примирительно сказал я, – я ничего такого и не имел в виду. Вернёмся к китайцам. Стоит ли этот Дэн Сяопин таких денег? – Ли Хунчжан, Ваше Величество. – Ну хорошо, так стоит или нет? – Стоит, хотя деньги

и громадные. Мы на 10 лет сократим строительство дороги до Владивостока. И, кроме того, вся Манчжурия попадёт под наше влияние, можно и ответвление сделать до Порт-Артура. Не зря же в прошлом году мы с немцами и французами вынудили Японию уйти с Ляодунского полуострова, где этот незамерзающий порт находится, и отступится от Симоносекского договора! – От какого? – переспросил я в некотором обалдении. – Симоносекского, того, который японцы Китаю навязали. Вы же ещё меня с этим телеграммой поздравляли. – Да-да. Помню. Ну, тогда всё решено – действуйте. – Витте вскочил, быстро поклонился, и его снова, будто жарким ветром, сдуло из кабинета.

Я посмотрел на заваленный стол, никакие бумаги читать мне больше не хотелось, и снова вызвал Чемодурова. Этот человек, несмотря на всю его кажущуюся простоту и слегка деревенскую речь, показался мне очень сообразительным и знающим о господах значительно больше, чем было ему положено. – А скажи мне, Терентий Иванович, – спросил я его, стараясь застать врасплох, – что ты думаешь о Витте? – Камердинер ни на секунду не смутился. – Человек он очень толковый, ваш батюшка его жаловал, да уж больно собой гордится. – Если такой уж честолюбивый, то почему только министр финансов? – А кем же ему быть? – Ну, не знаю, главой правительства, председателем совета министров. – А такой должности не предусмотрено, ваш батюшка считали, что такой пост слишком много власти себе заберёт. – Это по-

казалось мне очень странным, и я вопросительно посмотрел на камердинера. – Есть, правда, у нас председатель комитета министров, Иван Николаевич Дурново, заслуженный человек. А на этом посту все люди – заслуженные. Едва семьдесят кому стукнет, так им сразу этот пост предлагают. Некоторые соглашаются. И чего не согласиться, работа – не бей лежачего. Сиди себе на заседаниях и дреми. А как по важному делу, так там ваше, высочайшее решение требуется. Но у Витте и так дел хватает: он одновременно и министр путей сообщения, железных дорог то есть, самая выгодная должность. – Когда обед с матушкой? – решил я сменить тему. – Через полчаса. – Ступай.

– *Вот сейчас эта комедия и закончится*, – возвратился я к своим навязчивым мыслям. – *Мать есть мать, её не обманешь. Но ничего, главное не впадать в ступор, а там что будет, то и будет.* – И мне немедленно вспомнилась моя мама, из той, другой жизни, которую мой отец называл ангелом безгрешным, её полные руки, мягкую улыбку и прелестные карие глаза, которые всегда смотрели на меня с таким обожанием, с такой любовью. Чтобы отвлечься и не расплакаться, я подошёл к столу и начал перебирать стопки бумаг. – *Так, что здесь? Проект реорганизации управления сельскими школами – не интересно. Прошение на высочайшее имя о выделении пенсии вдове бывшего председателя Государственного банка. Боже, какими мелочами ему, российскому императору приходится заниматься... То есть, по-*

чему ему – мне! И неужели это будет всю жизнь продолжаться? Вот это всё? – Внезапно я услышал удар в дверь, она широко раскрылась, и в комнату не вошёл, а, можно сказать, вплыл широкий в плечах человек с огромными кудрявыми бакенбардами. – Почему без доклада? – пробормотал я сердито, уже прочно войдя в роль хозяина земли русской. – Когда это я с докладом к тебе заходил, племянничек? – Голос вошедшего был настолько громок, что в стакане из-под чая на столе затренькала оставленная ложечка, а портрет императора Александра 3-его на стене слегка покосился; или мне так показалось. – А дядюшка, это вы? – спохватился я и решил сразу перехватить инициативу. – Присаживайтесь, присаживайтесь. – Я присаживаться не учён, – густые брови дядюшки угрожающе поползли к переносице, и он опустил свою массивную фигуру в соседнее кресло. – А уж сяду, так уж сяду. – Я решил не обращать внимания на его недовольство и продолжал: – Со мной, знаете ли, неприятность вчера случилась: мы в ближнем кругу, так сказать, несколько себе позволили, и я где-то поскользнулся, упал, ударился головой, очнулся утром и ничего не помню. И не узнаю никого. – Ой-ёй-ёй, – прогрохотал в ответ голос великого князя. – Всё эти Михайловичи. – Портрет на стене при этих словах задрожал и встал на место. – А доктора были? – Были, но ничего понять не могут. Говорят, пройдёт. Постепенно. – Ну, дай Бог! – милостиво заключил дядя. – Это Витте от тебя только что выскочил. – Да, он. – А чего хотел? – Договор бу-

дем подписывать о строительстве Маньчжурской железной дороги. – Эх, в опасное дело он тебя втравляет, а заодно и всю империю нашу. – Почему же опасное? – А ты думаешь, Японии это понравится? Да, она сейчас обескровлена войной с Китаем, ей бы с Формозой разобраться. И Порт-Артур она нам отдаст, но злобу затаит. Рано или поздно эта победа нам боком выйдет, вот помяни моё слово. Лучше уж по Амуру, по нашей земле дорогу построить. – Так это 10 лишних лет займёт! – Ну и что? А куда торопиться? Ну, да ладно, что сделано, то сделано. У меня к тебе другое дело. Давно пора наш балет на европейский манеж выводить. Этот Петипа – он просто гений, а Лебединое озеро – я на генеральной репетиции был – так это просто шедевр (при слове шедевр портрет Александра 2-го опять покосился). Он, конечно, француз, этот Петипа, ну и что? А балерины-то русские! Одна Никитина чего стоит. А Мария Петипа? Мать-то у неё русская – Фея сирени, восторг! Да и Кшесинские обе, в особенности вторая помоложе, тебе ли не знать! – Хорошо, а от меня-то что нужно? – Денег, дорогой мой, денег! – Организация выступлений Мариинского театра в Европе в копеечку обойдётся. – Ну, обратитесь в Министерство финансов. – Витте жадный, не даст. – Тогда кредит возьмите в банке. Это же коммерческое предприятия – театр же билеты продавать будет. – Что-то с тобой Ники, действительно не так, подлечиться тебе надо. Когда ты на такие мелочи денег жалел? – Не знаю, дядюшка, не знаю, зайдите через пару недель, по-

думаем. – А чего думать-то? – В этот момент в кабинет зашёл Чемодуров: – Матушка ваша ожидают Вас в обеденной зале. – Простите, дядюшка, идти надо, – воспользовался я моментом и пулей вылетел из кабинета. – *Так, от этого отвязался*, – думал я, шагая за камердинером по уже известному мне коридору, – *но тут испытание посерьёзнее. Вот она дверь в столовую – сейчас она раскроется и всё!* – И дверь раскрылась.

Вдовствующая императрица

Не чуя под собой ног, я вошёл в уже знакомую мне белую столовую. У стола стояла женщина невысокого роста, лет 50-ти или чуть больше, в тяжёлом коричневом платье. Лицо её хранило следы былой красоты, было не лишено живости и, можно даже сказать, очарования. Глубокие карие глаза посмотрели на меня с любовью и нежностью. – Ники, что случилось, мой дорогой, – сказал приятный грудной голос с несильным иноземным акцентом, – мне доложили, ты сильно ударился вчера? – Да, сам не знаю как. – Покажи где? – Вот. – Я подошёл совсем близко на негнущихся ногах и наклонил голову. Мягкая рука коснулась моей головы, и зудящая боль, кажется, отступила, съёжилась и унеслась неизвестно куда. Почувствовался запах духов, которых я не встречал раньше, ненавязчивый, похожий на легкий и обволакивающий аромат магнолии. Я закрыл глаза. – Бедный мой Ники, – сказал тот же голос, от которого кровь прилила к моему лицу, я как-то внутренне дрогнул и осел, хотя и остался стоять как вкопанный: – *Она узнала меня, то есть она считает меня своим сыном! Первая победа одержана, но вот победа ли?* – Мы сели за стол, всё происходящее по-прежнему плыло перед моими глазами. Вышколенные лакеи накладывали что-то вкусно пахнущее мне на тарелку, наливали суп, меняли приборы. А Мария Фёдоровна всё говорила

и говорила своим приятным низким голосом о том, что урожай в этом году опять будет отличный, что мы, Россия, снова пол-Европы своим хлебом накормим, что суп «Святого Жермена» с копченой ветчиной опять вышел удачно и всё благодаря гороху, привезённому из одноимённого пригорода Парижа. – В России такого гороха днём с огнём не отыщешь, – продолжала она, – А маленькие кулебяки чудо как хороши. Вот попробуй, Ники, – показала она на большое белое блюдо, закрытое прозрачными ломтиками в аппетитных прожилках, – холодная осетрина, наша каспийская с соусом «Ремулад» – просто прелесть, а вот яйца по-венски – так себе. Ешь, Ники, простую пищу; помню, в Крыму ты любил молочного поросенка с кашей «по-ялтински». Так его наш шеф-повар называл, сам француз, а рецепт, он признавался, у какого-то ялтинского ресторатора позаимствовал. Ешь-ешь, ты сам же говорил, что любишь есть то, что ест простой народ. Не то, что супруга твоя, дармштадская принцесса... Провинциалка, а туда же: это ей не так, то ей не этак. Что молчишь? Что не бросаешься, как обычно, её защищать с пеной у рта? А потому что сказать нечего, провинция есть провинция. А гонора сколько, сколько надменности! Объясни, почему она ни с кем не общается – брезгует что ли? Только разве что с сестрой твоей Ксенией, да и то... – И сразу, без перерыва продолжила говорить на совсем другую тему: – Что-то ты неважно выглядишь, Ники! Бледен весь, нездоровится тебе? Сдается мне, – опять у императрицы произошёл

полный разворот настроения, — что дело не в шишке, не в том, что НА голове, а в том, что В голове. Наверное, опять вчера пьянствовал с этим Сандро, говорила всегда — не пара он тебе. Легковесный он, несерьёзный. — А кто пара? — спросил я, и над столом повисла неловкая пауза. — Да, пожалуй, что и никто, — ответила императрица, немного подумав. — Единственный надёжный человек в окружении — это Витте, его и слушайся. Он один не только о своих интересах, но и о России печётся, хотя и себя не забывает, конечно. А остальные, в особенности родственнички наши, великие князья... Это кто к тебе приходил, Владимир что ли? — Я решил промолчать и сделал вид, что занимаюсь осетриной. Но императрице моего подтверждения и не требовалось. — Вот уж бесполезный человек, а амбиций-то сколько, амбиций, — Мария Фёдоровна поджала губы. — Да ты и сам знаешь. — И тут же в своей по видимости любимой манере перескочила на другую тему. — Желе по-парижски просто великолепно, а ты даже ни одного пирожного с бёзе не попробовал. Ну да ладно, поправляйся — у тебя и без меня дел много. — При этих словах, она встала из-за стола и протянула мне руку. Я с облегчением поцеловал её кисть с еле различимым запахом магнолии и почувствовал на своих волосах, там, где шишка, лёгкое прикосновение её губ. Подняв глаза, я увидел, как она уходит, шурша юбками: прямая, спокойная и неспешная.

После обеда я сказал всем, что устал, и ушёл в спальню, той же дорогой, но только обратно. Вернувшись в спальню,

я снова внимательно её осмотрел, как будто я должен был найти в ней новые следы своего загадочного появления. Но, конечно, ничего не нашёл. Кровать, на которой я объявился в своём нынешнем состоянии, была широкой, но на удивление простой и без изысков. Только на белом белье подушек и простыней в уголках притаился небольшой царский вензель с двуглавым орлом. Я попробовал сесть, даже попрыгал на кровати. Не жёстко, но и не мягко. – *Интересно, из чего всё это сделано, поролон-то наверняка ещё не изобрели. Надо бы у Чемодурова спросить.* – Я решил раздеться и прилечь. И заставить себя если не спать, то просто отдохнуть. – *Тем более, что следующая встреча с министром внутренних дел Горемыкиным – Воронцов-Дашков сказал, что отменить её никак невозможно – только в 5, то есть через 2 часа. Нет, надо срочно секретаря завести, тем более что никаких компьютеров и смартфонов в этой жизни не предвидится. Тоска. Надо бы какие-нибудь документы почитать, но уж очень не хочется.* А-а-а-а, – я широко зевнул, из открытого рта вырвалась маленькая струйка слюны. – *Нет, слишком много всего за один день, а то ли еще будет.* – И я заснул, как провалился в бесконечную чёрную дыру.

Лучший друг Сандро

Я проснулся внезапно от того, что услышал сквозь сон, что кто-то ходит по комнате, просто, по-хозяйски. – *Главное, – решил я, – не раскрывать глаз, не может быть, чтобы всё это наваждение было правдой.* – А ты всё спишь, Ники? Ночи тебе не хватает, – услышал я над своим ухом молодой и насмешливый голос. И точно не знакомый. Я медленно открыл глаза, сначала один, потом другой. – *Нет, неет! Не может быть,* - передо мной была всё та же комната с той же мебелью и шторами. Я обернулся: на кресле рядом с дверью вольно расположился молодой человек лет 30, как две капли воды похожий на меня, то есть на Николая второго. Те же усы, та же бородка, только залысины, пожалуй, поглубже. Одет незнакомец был в штатское с видимым даже на мой неискушённый взгляд шиком и элегантностью. В руках он держал трость с золотым набалдашником и поигрывал ею, вращая то вправо, то влево. – *Кажется у меня начинается раздвоение личности,* - пришло мне в голову, – *всё-таки я точно сошёл с ума.* – Я сел на кровати и потянулся за брошенным на стул мундиром. – Неважно выглядишь, Николаша, продолжал неизвестный. – Говорил тебе вчера, в пунше сахар, и много. А сахар – это прямая дорога к головной боли, если не утром, то пополудни. Уж лучше сухое красное или водка наконец. Что ты на меня так смотришь, как буд-

то не узнаёшь. Проснись, это я, Сандро. Ау! – и молодой человек, нисколько не стесняясь, основательно потряс меня за плечо. – *Сандро, Сандро... Чемодуров что-то говорил, друг детства что ли? И на какой-то родственнице он женат. Все они тут родственники, куда ни плюнь!* – А Сандро продолжал беззаботно болтать: – Слышал, слышал о твоих приключениях. И как пунш из горлышка пил, и как стойку на руках делал. Только вот не видел, чтоб ты падал. Говорят, ты ударился сильно. – Да, головой, ничего не помню. Хорошо, что не в гипсе очнулся. (*Очнулся – гипс: откуда это, из Бриллиантовой руки? Да, всё это похоже на бред на заданную тему*). – Где же это тебя угораздило? – продолжал Сандро. – Может дома по приезду? Да тебя вроде аккуратно несли. Может, задели об косячок? Нет, ты прямо совсем не тот, не краснеешь, не обижаешься. Чудеса, да и только, Может, мне тоже стукнуться? Может, поумнею? А что о здоровье сестры не спрашиваешь? – *Так он женат на сестре, моей сестре* – вспомнил я. – Да, кстати, как она? – В целом ничего, но по-прежнему мигрени мучают... А я к тебе по делу. – Сандро, переменяя тему, посерьёзnel и как-то внутренне подобрался. – Я со товарищи записку написал – программу усиления нашего флота на Тихом океане. С Японией мы там обязательно столкнёмся, если не через пять лет, так через десять. Ну что, тебе дать сначала почитать – я замотал головой – или сразу на заседание Государственного совета выносить? Да боюсь, зарежут, заключут. Не понимают

они там ни хрена. А уж дядя твой Алексей Александрович, главный моряк, прости Господи.. – Ну я не знаю... А в других странах, где такие программы обсуждают? – В других? Да там же парламенты, друг дорогой... – Сандро, я тебя давно хотел спросить, а почему в России по-твоему парламент не возможен? Ну, не парламент, а какой-то другой совещательный орган. Из народных представителей... – Из народных? Да ты с ума сошёл? Они тебе там надискутируют, да такого напринимают... Народных! Да ты знаешь, что этот народ на 80%, а может и больше, неграмотен? Кого они могут выбрать? Проходимцев всяких да жуликов. Мы это с тобой обсуждали и не раз: не созрела Россия до парламентов. Ты прямо, как мой старший брат Николай: эгалите, фратерните! С кем эгалите? С мужиком тёмным, который даже Евангелие (и Сандро перекрестился) не то что постичь – прочитать толком не может. Ну, моему брату простительно – он на галлицизме помешался, хочет, чтобы у нас всё как во Франции было. Но ты-то... Ты на себя ответственность за всю империю принял со всеми 130 миллионами подданных. Принял, так и решай за них. – А если я не смогу? – Опять старая песня! Сможешь, если захочешь. Только вот дядя твой тебе не помощники. – Тут вот ко мне один приходил, деньги на билет просил. – А-а-а, Владимир... Совершенно бесполезный человек. – Так на кого же тогда опираться? – Да, в семье НЕ на кого, согласен. Тогда на министров своих обопрись – попробуй хотя бы; ты их сам, в отличие от родственничков, по-

добрать сможешь. Постепенно. – Вот как раз сейчас ко мне на приём министр внутренних дел придёт, – сказал я. – Надо, кстати, одеваться срочно. – Одевайся, одевайся, чай, Чемодурова не зовёшь больше? А разве ты этого старика Горемыкина еще не раскусил? Мы сначала все его либералом считали, в Польше он долго жил, западное влияние и всё такое. Ан нет... Не зря его Константин Петрович на должность рекомендовал. – Кто? – Победоносцев, кто же ещё. А ты знаешь, какие частушки про Горемыкина пели полгода назад, когда он министром стал? – И не дожидаясь ответа Сандро продекламировал:

«Да, обманчивой надежде,
Говорю тебе, не верь,
Горе мыкали мы прежде,
Горемыкин и теперь».

– Ну да, ладно, ты скоро сам всё поймёшь, – заключил Сандро, легко, словно прыгнув, вставая с кресла, – а я пошёл, не хочу с этим чудищем встречаться. – И Сандро, подхватив свою трость, даже не выбежал, а прямо-таки выпорхнул из спальни.

Министр внутренних дел

Горемыкин Иван Логгинович

Я с трудом встал и вновь оделся. – *А иметь камердинера, который одевает и обувает, – не такая уж плохая мысль,* – подумал я, отгоняя остатки сна. И поплёлся назад в на­правлении своего кабинета. Не прошло и пяти минут, как после осторожного стука в мой кабинет вошло нечто грузное, весьма волосатое и церемонно поклонилось. Длинные волосы министра лежали почти у плеч, бороды как таковой не было, но от подбородка в обе стороны справа и слева росли чудовищной длины и густоты бакенбарды. – *Мощь,* – подумал я про себя и, сделав приветственный жест, показал министру на кресло. – Горемыкин не спеша водрузился на него: – Как здоровье, Ваше Величество? – Спасибо, получше. Я, знаете ли, – *откуда у меня такие обороты речи, неужели учусь на ходу?* – вчера вечером сильно ударился. Головой. И вы представляете, ничего не помню. Краткосрочная потеря памяти. Доктора сегодня были... утром... Говорят, ничего страшного. – Ну и слава Богу, – Горемыкин сдержанно перекрестился. – Ну-с, что у вас новенького? – спросил я, а сам подумал: – *Не слишком ли развязно я говорю?* – Я к вам, государь, с еженедельным докладом. – Рассказывайте, рассказывайте. – Обстановка в Империи обычная. Ничего сверхъесте-

ственного не произошло. Криминальная преступность растёт понемногу. — Почему? — Так ведь и население увеличивается. Семимильными шагами. Почти по два миллиона душ в год прибывает. — А сколько всего народу в государстве? — А досконально не известно. То ли 130 миллионов, то ли 150. Вот в следующем году перепись проведём, тогда точно узнаем. Деньги уже выделены, по вашему высочайшему повелению. — Я удовлетворённо кивнул. — Ну, хорошо. Дальше. — В национальных окраинах и в инородческих губерниях спокойно пока. — Что значит — пока? — Так помнят уроки-то батюшки вашего, вечная память. — Горемыкин опять перекрестился. — И сидят тихо. — Хорошо. Ну а политические... движения? — Народная Воля давно развалилась, я уже вам докладывал. Мы опасались поначалу Чёрного передела, который от нее откололся. Так они теперь называются группой Освобождение Труда, лидеры все в эмиграции, книжки пишут... о роли личности в истории. Не опасны, — спокойно заключил Горемыкин. — А эта... партия социалистов-революционеров? — Да какая там партия, — махнули рукой бакенбарды. — Кружок был в Саратове, есть сведения, что в Москву перебрались. Да там членов-то человек 20. — А в Петербурге? — Я наморщил лоб, мучительно вспоминая курс истории в институте. — Там какой-то Союз появился, за освобождение чего-то? — Горемыкин молчал, набывчившись. — Я продолжал настаивать: — Там ещё лидер у них по фамилии Ульянов. — Ульянов? Да того давно повесили, не беспокой-

тесь, государь. – И соорив на лице выражение глубочайшей преданности, Горемыкин спросил: – Осмелюсь поинтересоваться, Государь, кто же это вам всё докладывает? Уж не из Жандармского ли корпуса страхи нагоняют? Мешают вам спокойно государством управлять. Давно я Вам говорил, что надобно объединить все внутренние службы в едином министерстве, тогда и порядку больше было бы. – Да вы не волнуйтесь, Иван Логгинович, – поспешил я успокоить совсем уж было расстроившегося министра. – Кто-то мне сказал, а я уж и не помню. Память у меня – совсем никуда. Говорили, будто Ульянов там воду мутит, брат того повешенного. – Первый раз слышу, Ваше Величество. – Ну вот и хорошо, а теперь, если вы не возражаете, давайте вот о чём поговорим: о коррупции. – Виноват, Ваше Величество, – нахмурились бакенбарды, – слово такое... иностранное. Вы о чём? – Да всё о том же: о воровстве, о взятках. О мошенничестве среди высших чиновников и не только. Вот скажите откровенно: среди моих родственников подобное имеет место? – Горемыкин поёрзал в кресле, выражение его лица было явно недоумевающим. – Если вы о великих князьях, Ваше Величество, то зачем же им воровать, какой смысл? Каждый из них и так из казны получает регулярное содержание – по 150 тысяч рублей золотом в год. Им на жизнь хватает, а если уж не хватает, то они у вас просят, не стесняются. При дедушке вашем, Александре Втором Освободителе, конечно, много вольницы было, это правда. Но батюшка ваш, всё к порядку

привёл, да и сейчас у Сергея Юльевича нашего особо не забалуешь. Так они к вам ходят, а вы им редко отказываете. – Ну, хорошо, а среди высших государственных чиновников взяточничество и тому подобное сильно распространено? – Ну, как сказать, сильно – не сильно, Ваше Величество. Все наши министры, да и начальники департаментов, люди далеко не бедные, у кого земляца, у кого собственность в городах и даже промыслы. Тоже воровать особого смысла нет. Хотя... – Горемыкин помедлил, – бывают случаи. Вот, например – Абаза, Александр Аггевич, бывший министр финансов, а потом начальник департамента финансов в Государственном совете. Кем он только не был! Да вы его должны помнить, интереснейшая личность. Так вот он, три или четыре года назад, используя конфиденциальную информацию, провёл запутанную биржевую операцию, ну и заработал около миллиона. Но как верёвочки не виться.. Меньше чем через полгода разоблачили его щелкопёры газетные, и он после огласки дела был вынужден подать в отставку. И был уволен вашим батюшкой в бессрочный отпуск. Н-да, – Горемыкин посмотрел на свои большие руки, на которых в некоторых местах уже выступили пигментные пятна. Видно было, что этот Абаза вызывал у него определённую симпатию. – Ну а другие? – продолжал я допытываться. – Ну, конечно, бывают случаи, не без того. Всё страсти людские, прости Господи. Любят у нас некоторые чиновники поигрывать, кто на бирже, кто на скачках. Или опять же женский пол –

начинают дарить драгоценности да особняки своим содер-жанкам, вот и растраты. А вам – у вас, государь, сердце доброе – приходится покрывать их делишки, где 60 тысяч, а где и до миллиона. – Надеюсь, такого больше не будет, – сказал я твёрдо. – Горемыкин вздохнул понимающе, его бакенбарды в большой печали склонились на грудь. – Ну а взятки берут, места хлебные продают? – Министр затряс головой: – Так испокон веков брали и сейчас берут. Как это зло искоренишь? Хотя мы, конечно, выявляем и боремся... по мере сил. А вот что касается продажи мест – этого я честно говоря, слыхом не слыхивал. Протекции безусловно бывают: по родственному или по дружбе. А чтоб за деньги... – Министр развёл руками в разные стороны. – А за границей недвижимость на ворованные деньги покупают? – Великие князья многие, безусловно, виллы за границей имеют, так это с вашего, государь, соизволения. А так чтобы своровать да за границу убежать – это редко. Знают ведь, что мы их и там найдём, если нужно. Да и заграничные правительства нам этих жуликов выдают в большинстве случаев, а вот политических – нет, к сожалению. – Видно было, что немолодой министр начал уже уставать от нашего разговора. – Спасибо, Иван э-э-э – Логгинович, подсказали бакенбарды. – За доклад и беседу. И за верную службу. – Горемыкин, приняв мой комплимент, как должное, неспешно поднялся из кресла, и так же церемониально, с большим чувством собственного достоинства удалился. Бакенбарды, видимые даже со спины, мерно пока-

чивались при каждом его шаге.

Встреча на вокзале

Дверь за Горемыкиным едва закрылась и вновь распахнулась. На пороге стоял тот же Чемодуров и смиренно улыбался. – Пора, Ваше Величество, на вокзал ехать, супругу вашу, императрицу Александру Фёдоровну встречать. Они на Варшавский пребывают, экипаж уже заложен. Ждёт. Можно, конечно, и по железной дороге, но экипажем удобнее. Каравул тоже на месте. Но путь-то не близкий, часа полтора будет. Что Вы так побледнели, Государь? – Ничего, ничего, ты же знаешь, мне с утра не здоровится. – В спальне будете переодеваться или здесь? – Здесь. А во что переодеваться? – Да в форму 4-го лейб-гвардии стрелкового полка. Государыня её очень любит, Вы же знаете. – Ну, неси, неси.

Вот он и конец. Мать, конечно, по старости не распознала, да и пообщались мы коротко. А дочка ещё мала совсем... – Я почему-то довольно улыбнулся и сразу опять помрачнел. – Но любящая жена точно отличит поддельное от настоящего. Впрочем, почему поддельное? Я есть я, Преображенцев Николай Алексеевич. И совсем я не виноват в том, что какая-то неведомая сила выдернула меня из привычного хода вещей и бросила прошлое или в параллельную реальность. Ну, может быть, болтанул вчера что-то спьяну, но за что же меня так наказывать? – Боже, – наконец догадался я, как будто кто-то подсказал мне ответ, – всё дело в

фамилии! Значит, вот где секрет, так мне было на роду написано, жить, жить до 28-ми лет – и перевернуться. Но это ничего не объясняет, ни-че-го. А может во всём признаться? Кому, жене? Вот уж никогда. Она же любила того, своего Николая. Закричит, забьётся в истерику – и что тогда? Скорее всего её признают сумасшедшей, её и так при дворе, как я смутно помню, не любили, то есть не любят. И меня в дурдом заодно.

Постучался и вошёл Чемодуров. – Экипаж подан, государь.. – Я посмотрелся еще раз в зеркало. Форма гвардейского стрелкового полка была необыкновенно красивой: китель глубокого синего цвета был абсолютно гладким и однотонным, только на плечах по контрасту выделялись золотые погоны, а на груди до пояса висел золотой изящный рабобы шнурок (*это называется аксельбант или как-то по-другому?*). Чемодуров подал нечто длинное и тёмно-красное. – Я поднял брови. – Пояс, государь, – ответил Чемодуров на незаданный вопрос. – А шинель в экипаже. Тепло, ваше величество, авось не пригодится. – Я бросил прощальный взгляд в зеркало: форма сидела идеально, как влитая. – *Ещё бы,* – подумал я. – *Уж царю-то постарались подогнать по фигуре. По моей фигуре... Или не по моей?* – Экипаж стоял перед крыльцом. Выхоленные, как с картины, вороные кони рыли копытами гравий подъездной дорожки. Я зачем-то перекрестился и полез в тёмно-малиновое жерло кареты. Сидя на удобном диване и мягко покачиваясь при езде, я продол-

жал думать. Мысли были невесёлые и крутились вокруг одного и того же. — Ну вот, скоро конец всей этой фантасмагории. Александра Фёдоровна... Как они там звали друг друга? Я же читал об этом: она его Ники, а он ее Аликс. И говорили между собой по-английски. Ещё бы — внучка королевы Виктории, больше англичанка, чем немка. Не узнает она меня, как пить дать. Да, жалко погибать в 28 лет. А ему сколько было? Да столько же, в этом вся и суть! А может, я просто сошёл с ума и у меня такой длительный и глубокий психоз? И я на самом деле сижу где-нибудь в дурдоме, а мне представляется, что я во дворце, разговариваю с министрами, а на самом деле они — врачи просто. Нет, не может быть, слишком всё ярко и последовательно... Неужели человеческая фантазия в горячечном сне может всё так красочно и чётко представить: и эту карету — такую я никогда не видел, даже в музее, — и гнедые силуэты лошадей гвардейской охраны спереди и по бокам, и самих гвардейцев в лихо заломленных набок шапках с маленькими кокардами...

За этими ходящими по порочному кругу мыслями полтора часа пролетели незаметно. Я смотрел в окно и видел чуть позеленевшие поля, и перелески, и холмы вдалеке. Попадались деревеньки, точно такие же как в 21-м веке, с низкими некрашеными избами. — Только проводов нету, и автомобилей. И чуть погрязнее, пожалуй. И везде шлагбаумы, и герб царский на единственном кирпичном здании скорее всего местной управы или чего-то казённого. — Начались

пригороды Петербурга, которые вначале мало чем отличались от тёмных, навевающих тоску сёл и деревень. Потом пошли каменные двухэтажные, а местами и более высокие дома. Просёлочные мягкие ухабы сменились трясучей брусчаткой. Свернули куда-то налево и за страшными, облезлыми пакгаузами открылось здание Варшавского вокзала, одноэтажное, но очень высокое. Огромные окна фасада были сделаны в виде полукружий, а центральный вход помещался под огромной аркой с витражами и металлическими вензелями по бокам. Вокзал выглядел пустынным, только потом, боковым зрением я заметил тучные фигуры городских вдалеке. – *Наверняка, оцепили весь вокзал да и соседние улицы заодно.* – Только тут вспомнилось, что и по дороге встречных экипажей и телег тоже не попадалось. – *Точно всё перекрыли, да так ловко, совершенно не заметно.*

Перрон был длинным, ближняя часть его была накрыта большим козырьком из ажурного металла и запыленного стекла. Поезда ещё не было видно, пути кривились и уходили за полузаросшую зелёным мхом кирпичную стену. Вдруг слышались звуки, похожие на вздохи огромного животного, снизу по рельсам появились клубы белого дыма, и чёрный паровоз с огромным золотым двуглавым гербом на тупой и распаренной морде сделал резкий поворот и пошёл-покатил прямо на меня. Он, казалось, и не думал снижать скорость перед перроном, а, лязгая и выдыхая пар, неотвратно приближался, целясь в мою маленькую фигурку в ярко-синем

мундире. Прямо на меня, прямо на меня... Но вот раздался скрежет тормозов, паровоз весь окутался белым паром, продолжая выпыхивать чёрный дым из невысокой трубы, дрогнул и остановился. — Сюда, Ваше Величество, — протянул указывающую руку неизвестно откуда взявшийся гвардейский офицер. Я пошёл за ним по перрону. Паровоз казалось уже выпустил все имевшиеся запасы дыма и расслабленно отдыхал. Самый первый за ним вагон явно выделялся среди десяти остальных своей новизной и отделкой. — *Значит, она приехала в обычном поезде, только царский вагон спереди прицепили.* — Из дальних вагонов начали выходить люди, но оставались на месте, отгороженные цепью высоких солдат в мохнатых шапках. — *Охрана,* — пронеслось в голове, — *и тут охрана.* — И вдруг в воздухе что-то лопнуло и разлилось мужскими и женскими голосами. Люди на перроне вдруг стали выше ростом (поднялись на цыпочки) и стали неистово махать белыми руками, а женщины еще более белыми платками. — *Узнали, меня узнали... Но что же из вагона никто не выходит? Только чемоданы и круглые коробки ставят на специальную багажную тележку.* — Я посмотрел вдаль вагона и заметил в конце его ещё один выход с приставленным к нему небольшим трапом. И тут из вагона показался наклоненный набок край шляпы с цветами и лентами. Миновав дверь, шляпа выпрямилась, и прямо из-под нее взглянули на меня яркие глаза, показавшиеся мне на минуту изумрудно-зелёными. И вот из последних разлетевшихся клубов па-

ра возникла вся она, императрица и, к её несчастью, моя жена. Вся ее фигура была необыкновенно грациозна: простой, но неизмеримо элегантный бледно-зелёный дорожный кардиган, узкая талия, длинная юбка, закрывающая кончики коричневых туфель. Во всём ее облике была одновременно и статность, и хрупкость. Она помахала рукой и направилась прямо ко мне. Я стоял как вкопанный, ноги вросли в землю, даже руки невозможно было оторвать от полы кителя. За одну секунду весь её облик впечатался в сетчатку и оставался там, даже когда я закрыл глаза и вновь их открыл. Она приблизилась ко мне, и я наконец смог лучше рассмотреть ее лицо. Золотистые волосы из-под края шляпы, изумительная белизна шеи, ровный, чуть розовый цвет лба и щёк, на которых, казалось, не было никакой косметики, прямой нос и тонкие ярко-розовые губы. Глаза, показавшиеся мне зелёными, на самом деле были серыми и глубокими. Императрица улыбнулась мне, и на ее левой щеке возникла и слегка дрогнула маленькая ямочка. Она быстро поцеловала меня в щёку и взяла под руку. – *I was missing you so much.* Я так скучала по тебе, – зазвучал ее голос, и мелодичней его ничего в мире я никогда не слышал. Голова у меня закружилась, перрон вокзала накренился и стал качаться. – *Вот и хорошо,* – подумал я, – *упаду прямо здесь, лучше головой, чтобы всё кончить... сразу.* – Ники, Ники, – взлетел и затрепетал тот же голос, – да помогите же кто-нибудь! *Help, help!* – Её лицо было совсем близко, тонкое и прекрасное. На меня пахло

ароматом ее духов, совершенно далёким и нездешним. Крыша вокзала медленно поехала вверх и встала на своё место. — Ничего, не волнуйся, не надо меня поддерживать, — сказал я совершенно спокойно. — Отойдите, отойдите все. Я вчера упал, — обратился я к ней, — и очень сильно ударился. Головой. Кратковременная потеря памяти. — *Как я могу так спокойно с ней разговаривать?* — Доктора были сегодня утром и сказали, что ничего серьёзного. Nothing serious. — Держась так же под руку, мы сделали первые шаги к выходу. Это были странные шаги, казалось, мы оба не делали никаких усилий для того, чтобы переставлять ноги. Тротуар перрона и весь вокзал, и всё вокруг сами шли нам навстречу, земля закручивалась вниз и уходила назад, за наши спины, узорчатые двери главного входа сами раскрывались нам навстречу и приветливо выпускали нас на улицу. — *Признала меня тем, своим мужем,* - обрушилась сверху и пролилась по всему телу спасительная догадка. — *Не только признала, но может и полюбит так же, как его. Невообразимо, невозможно, и тем не менее это есть, здесь и сейчас.*

Поездка домой

Пока мы шли к экипажу, я старался смотреть только вперёд, а она радостно и с тонкой иронией рассказывала о посещении сестёр и тётушек в городе Дармштадте. – Ну ты же знаешь, чем нас там кормят: овсяная каша на завтрак, варёное мясо с картошкой на обед и бесконечный набор рисовых пудингов и печеных яблок(64). И представляешь, мы опять спали на простых солдатских койках. А утром, в холодную ванну, по викторианскому обычаю. Бррр, ужас какой-то, отвыкла я от всего этого, – она поискала слово, – аскетизма. Россия, она как-то вообще расслабляет. Хотя климат там, в Гессене мягче, но здесь всё теплее: и нравы, и этикет, и религия наша православная. – Она вновь улыбнулась, глаза её засияли живым блеском. И я понял, что в данную секунду она была совершенно счастлива. – Тётушки и сёстры были конечно очень милы, представляешь, они называли меня Baby queen number 3, вспомнили старое прозвище, которое дала мне наша воспитательница. – А почему number 3? – Это из сказки, которую мы читали в детстве, мы все три сестры, кроме Эллы, хотели стать маленькими королевами. – Я предпочёл промолчать.

Мы сели в карету. Императрица, казавшаяся совсем юной девушкой, положила голову мне на плечо, и я вновь ощутил аромат ее духов. – *И вот она моя жена, и что же с ней в по-*

стель ложиться, прямо сегодня вечером? Это уже что-то за гранью. Нет, надо признаваться, это ужасно, это просто нечестно. — Но Аликс заговорила вновь: — Я, ты знаешь, и хотела и не хотела возвращаться. И ждала, и считала дни, и страшилась. Was scared. Я ждала встречи с тобой, мой любимый Ники. И ведь скоро, через десять дней коронация. Это кульминация, это то, к чему мы стремились, к чему мы шли всё это время. Ведь мы всегда были в трауре по твоему отцу, у нас не было ни свадебных приёмов, ни празднеств. Не было и свадебного путешествия, ничего вообще. А теперь будет всё — и приёмы, и балы, и танцы. И народ, который нас так любит, будет нас приветствовать и радоваться за нас. — Она блаженно улыбнулась. — Ты знаешь, — начал я робко. — Я ужасно себя чувствую. — Она отстранилась от меня, пристально посмотрела на меня и побледнела. — Я в том смысле, — поспешил я загладить оплошность, что я после этого... удара действительно ничего не помню. Ты должна мне всё рассказать по порядку. — Да, да, — заторопилась она. — Я всё тебе расскажу, всё-всё. Главное, чтобы ты был жив и... со мной. — Она опять улыбнулась. — Даже не знаю, с чего начать... — А почему ты не хотела возвращаться? — Я рвалась к тебе, желала этого больше всего на свете, но как только я начинала думать о дворе, о твоей семье... необъятной, настроение у меня сразу портилось. — Почему? — Ну, понимаешь, там в Дармштадте, все всегда чем-то заняты, чего-то делают, а России — при дворе — многие люди не делают ничего, со-

всем ничего и прекрасно себя чувствуют. Нет, они ездят на балы, некоторые на службу, но ничего не делают нужного, полезного. И бороться с этим, я поняла, совершенно невозможно. – Как это? – Такое впечатление, что люди здесь, наше высшее общество, родились в праздности и в праздности умрут, они равнодушны ко всем окружающим, не говоря уж о народе. Ты помнишь с каким энтузиазмом – а, впрочем, ты не помнишь, не важно... – Что? – Год назад, еще до рождения Оленьки, я пыталась организовать общество рукодельниц из придворных дам. Каждая участница, как и я, должна была своими руками сшить три платья в год для бедных. В гоод! – Она подняла пальчик в прелестной лайковой перчатке. – И что же вышло? – А ничего, многие под разными предлогами, нездоровье и так далее, вообще ничего не сшили, а те, что сшили... Просто ужас какой-то. Никакой, даже бедной крестьянке, отдать это, – она сделала брезгливый жест рукой, – было невозможно. Слава Богу, что ты хоть меня поддержал – выделил денег на создание по всей России трудовых домов, мастерских то есть, где могли бы найти работу безработные, особенно те несчастные женщины, – она потупилась, – которые нравственного пали и потеряли положение в обществе.

Помолчали. – Скажи, пожалуйста, а друзья или подруги у тебя есть при дворе? – спросил я. – Ну, какие-нибудь люди, на которых ты могла бы опереться? – На тебя, мой любимый, только на тебя. – Она опять положила руку на мою

и прижалась всем телом. Грудь под корсетом твёрдой округлостью легко надавила на моё предплечье. – Когда мы жили у твоей матушки, – она вздохнула, – там бывали в основном великие князья, которые в большинстве своём, прости пожалуйста, мне либо не интересны, либо не приятны. Миша, брат твой, – ответила она на мой немой вопрос, – конечно, очень мил, и сестра твоя, и Сандро тоже. Он очень весёлый, Сандро, всегда что-нибудь расскажет или придумает. Но они как-то далеки от меня... И в Бога они, мне кажется, ты только не обижайся, слабо веруют. В храм ходят, конечно, но чтобы так, всей душой... Единственная отрада, это моя сестра Элла, то есть Елизавета Фёдоровна, – она говорила по-английски, но постаралась произнести имя-отчество Эллы с русским акцентом. – Надо же, – сказал я, виновато улыбаясь. – Ничего не помню, ничего. – Не волнуйся так, ты опять побледнел сильно. Я тебе всё расскажу. – Она крепко поцеловала меня в щёку, и потолок кареты опять поехал назад и в сторону. – Это даже хорошо, что ты так всё забыл, можно обдумать всё заново и тебе рассказать, не торопясь, что я думаю... Я очень люблю её, Эллу. Она самая из нас, сестёр, сильная. Да, не удивляйся – все думают, она милая и кроткая, и это тоже правда. Но характером она в маму, а та, знаешь ли, даже одно время Гессенским парламентом командовала, когда папа в горячке лежал... И вообще... в ней есть какая-то тайна. Она, ты же знаешь, после долгих колебаний наконец приняла православие. Ах да, ты

не помнишь, – спохватилась она и покраснела. – Не важно. Я думаю, её метания были связаны не с тем только, что папа был против, но и с её отношениями с Сергеем... О Боже мой, – улыбнулась она, заметив беспомощное выражение на моем лице. – Сергей Александрович, твой дядя – её муж. Вот уже 12 лет. Они были такой красивой парой и жили так счастливо в Ильинском под Звенигородом. Всем казалось, что он очень любит Эллу, смотрел на нее с обожанием, делал ей всё время какие-то маленькие подарки, по поводу и без. Дарил драгоценности необыкновенные... А потом, пять или шесть лет назад Сергей стал Московским генерал-губернатором, и всё у них пошло как-то не так. Я часто приглаждалась к нему, он очень странный человек: внешне очень холоден и даже надменен, и в то же время искренне верующий и, по слухам, тайно многим помогает. Элла говорит, он причащается по три раза в неделю. Он – основатель русского палестинского общества, построил там, в Палестине храм и 8 подворий. И мне так кажется, в нём всё время происходит внутренняя борьба, он очень не спокоен. Элла по-моему приняла православие, чтобы лучше его понять. И примириться, может быть. Не знаю... О нём при дворе ходят ужасные слухи, что он homosexual, и вся эта грязь... – Она помолчала. – Я не знаю, правда ли это, а у Эллы спросить – язык не поворачивается. Я думаю, их разлад – следствие того, что у них нет детей. А это, возможно, – из-за его болезни. Элла сказала мне по секрету, ты никому, пожалуйста, не говори,

что у него костный туберкулёз и что он даже носит корсет. И от этого выглядит всегда так прямо, и смотрит так надменно. Возможно, это – наследственная болезнь. – Она устала, в одну точку прямо перед собой, как будто провалилась внутрь себя, но вдруг опять взглянула на меня и улыбнулась. – Но что мы всё о грустном. Мы ведь скоро приедем, правда? И я наконец Оленьку увижу. – Я её сегодня видел за завтраком, – сказал я для того, чтобы что-нибудь сказать. – И как она? – Она – прелестна, – ответил я совершенно искренне. – Ты таким бываешь милым, Ники, – и она опять прижалась ко мне.

После полей и перелесков, дорога опять завернула на деревенскую улицу, изб стало всё меньше, а казённых зданий всё больше. – *Наверное, это пригороды Царского села,* – догадался я. Внезапно улицы с домами закончились и из окон кареты открылся прекрасный старый парк, с высокими деревьями, увитыми еле пробивающейся молодой листвой. Пространство между деревьями, казалось, было чисто вымыто и выметено, и на земле уже успела появиться мягкая зелёная травка. Деревья расступились, из-за них показался невысокий всего в 2 этажа Александровский дворец. При отъезде, в суете и некотором умопомрачении я так и не успел рассмотреть его. Дворец казался уютным и в то же время величественным. Стены его были покрашены в яркий, но не кислотный жёлтый цвет, который приятно контрастировал с белым мрамором колонн. Первый, нижний этаж был значительно выше второго. – *Какая же здесь высота потолков?* –

подумал я. – *Метра четыре, не меньше.* - Большая колоннада в центре напоминала картинки из школьного учебника истории. В ней был что-то римское или греческое, и по сути совершенно бесполезное. – *Для красоты построили,* – заметил я про себя. Карета остановилась на знакомой дорожке у парадного входа. Я подал императрице руку и тут только заметил, что она сильно побледнела, в ее глазах появилась новое выражение, как будто в зрачках отразились отблески затухающего пламени. – Ники, my darling – проговорила она глуховато, – у меня эти дни, ну, ты понимаешь... А у меня всегда это, – она не нашла подходящего слова, – сопровождается ужасными головными болями. Вот, опять, кажется, начинается. Я пойду на свою половину. – Да, да, конечно, – пробормотал я поспешно. А про себя подумал: – *Так, это всё к лучшему, ложиться в одну постель с ней сейчас – это ужасно, как будто что-то украсть. Нет, не сегодня, слава Богу.* – Она поцеловала меня опять, на этот раз в лоб, чуть встав на цыпочки, мы были с ней почти одного роста.

Пётр Васильевич Секеринский

Императрица быстро пошла налево, на свою половину, а я знакомой уже дорожкой засеменил на правую половину, к своему (*своему ли?*) рабочему кабинету. У двери на стуле дремал Чемодуров. Сон его, видно, был не крепок, заслышав мои шаги, он тут же вскочил и спросил, кланяясь и смотря в пол: – Встретили, всё слава Богу? А тут вас в приёмной Секеринский, Пётр Васильевич (68) дожидается. Говорит, по

срочному делу. — А кто это? — Начальник Петербургского Охранного отделения. — А который час? — Десятый, Ваше Величество. — Ну, ладно, зови его, всё равно спать не хочется. — Я вошёл в кабинет: казалось, бумаг в нём только прибавилось. Не успел я сесть в похожее на трон кресло, как дверь распахнулась, и в неё энергично влетел весьма тучный человек в генеральском мундире. Судя по его морщинистому лицу, ему было уже немало лет, но на его брюнетистой шевелюре не было и следа седины, а иссиня-чёрные, прямо-таки смолистые усы стояли торчком. — *Красит он их, что ли? — пронеслось в моей голове.* — Садитесь, садитесь, э-э-э... Пётр Васильевич, — сказал я, выходя из-за стола и пересаживаясь на менее фундаментальное кресло за низким столиком, заваленным, как и всё вокруг, бумагами несомненной государственной важности. Секеринский сел на такое же кресло напротив, слегка расставив ноги и пропуская между ними округлое брюшко. — Прошу прощения, государь, за внезапный визит, но меня привело к вам дело, не терпящее отлагательства. — Слушаю. — Я вчера узнал от своего надёжного филёра, что на вас, на супругу вашу и на всю августейшую фамилию готовится покушение во время коронации, а сегодня пришло подтверждение, что покушение готовится серьёзное, вся боевая организация социалистов-революционеров задействована, и все эти эс-деки, все осколки Народной Воли им помогают. Сообщают, что готовят не менее 50 бомбистов. — Я посмотрел на Секеринского. Оказалось,

он тоже очень внимательно смотрел на меня и изучал моё лицо и одежду. — И что же делать... с этим? Отменять коронацию? — проговорил я растерянно. — Ну, это уж вам решать. Я думаю, не откладывая, надо посоветоваться с дядьями вашими, с некоторыми министрами и членами Государственного совета. Готов выступить на этом совещании и доложить. — Хорошо, я посоветуюсь и вам сообщу. Завтра. — Осмелюсь высказать соображение, — смиренно заметил Секеринский, — что отменять коронацию не стоит, надо только усилить охрану. А мы со своей стороны примем меры. В Москве Охранным отделением руководит Зубатов, Сергей Васильевич. — *Они все Васильевичи, — зачем-то подумал я.* — Это очень опытный и надёжный человек, он всех этих революционеров знает вдоль и поперёк. Мышь не проскочит. И вообще... он — большой оригинал, с ним вам было бы интересно встретиться и поговорить. — И он опять внимательно посмотрел на меня. — Ну и отлично, — сказал я. — Раз уж вы пришли, Пётр Васильевич, давайте поближе познакомимся. — Секеринский поднял брови, но ничего не сказал, только голову склонил. Мне показалась, что от его черноволосой головы исходила какая-то непонятная мне опасность. — Вы знаете, вы должны знать, как начальник Охранного отделения, что вчера вечером я сильно ударился головой и после этого ничего не помню. То есть совсем ничего. Память может быть, и вернётся, — Секеринский опять вскинул на меня брови, — но когда, не известно. А ждате, в особенности

после того, что вы мне сейчас рассказали, непозволительно (*слово-то какое нашёл*). Поэтому расскажите мне всё с самого начала. — О чём рассказывать, государь? — Для начала о себе. Мы с вами встречались? — Пару раз, Ваше Величество, во время официальных, так сказать, мероприятий. — Что же, и регулярных докладов об обстановке, один на один не было? — Не положено по субординации, я докладываю начальнику Департамента полиции Добржинскому, он — министру, а министр уже вам. — А сегодня почему же пришли не по субординации? — А Антона Францевича, Добржинского — нигде разыскать не могут, говорят в карты играет, — заметил Секеринский проходя, — а его превосходительство Иван Логгинович в Москву на поезде уехал, и с ним связи нет. — *Странно*, — подумал я, — *как-то это всё странно выглядит. Что нужно этому человеку?* — А вслух сказал: — Ну вот теперь будете мне регулярно докладывать, раз в месяц. Так этому... Добржинскому и передайте. — Секеринский опять поклонился. — А теперь давайте по душам поговорим, если не возражаете, — продолжал я. — Итак, кто вы и откуда? — Я родом, Ваше Величество, из варшавской губернии, родился в еврейской семье, но мать и отца не помню. Умерли, наверное. Голод был. А я слонялся без дела, попрошайничал и спал прямо на дороге. Тут-то меня варшавский наместник, фон Берг, и заметил. Прямо на дороге нашёл, в пыли и грязи. Велел окрестить и определил в кантонистскую школу. — В швейцарскую что ли? — Что вы, — улыбнулся нынешний начальник питерской

охранки. — Кантонистские, уж не знаю почему они так называются, это такие специальные школы, основанные еще прадедушкой вашим, Николаем Павловичем, для беспризорных детей, чтобы их в солдаты готовить. Я учился с отличием, был принят в кадетский корпус. И потом постепенно, постепенно... вот дослужился. — И большое у вас... хозяйство? — Да филёров человек сто, по сменам работают, через день, и осведомители конечно есть, но они не на службе, так, докладывают время от времени, и ещё перлюстраторы... письма вскрывают. — И-и... много вскрывают? — Да что вы, ничтожную часть. Какие наши средства... Не на что осведомителей, не то что перлюстраторов, содержать. Они ведь люди учёные должны быть, с пониманием. Не то что филера, дело нехитрое. А я вот в единственной на всё Отделение казённой карете к вам сегодня приехал. — Секеринский махнул рукой. — А телефоны... прослушиваете? — Как же можно? В Петербурге всего тысяча аппаратов, и все они у людей заслуженных или у высших чинов, я уже не говорю о членах августейшей фамилии. Но... если потребуется... — А много на службе таких, как вы, — спросил я внезапно, — перешедших в православие? — Да что вы, — опять повторил Секеринский, — единицы. И на нас как на предателей смотрят и свои, и чужие. — *Да ещё хорошо бы понять, кто свои, а кто чужие,* — подумал я. — А вот иудеев в западных областях миллионы, — продолжал шеф охраны. — Вот, где кипящий котёл, вот где источник бомбизма и прочей смуты. А что касается угрозы

при коронации, — ловко сменил он тему, — так я доложу по инстанции. А вы соблаговолите обсудить это завтра, может быть на заседании Государственного совета? — Да, да, — промямлил я, провожая его до дверей.

Сон

Я вновь прошёл к себе в спальню и наконец остался один. На осторожный стук Чемодурова из-за двери ответил: – Не надо ничего, я сам. – Знаю-с, Ваше Величество. Я так, на всякий случай, – пробурчало за дверью. – *Тут я, кажется, угадал, не любил, видно, император, когда его раздевали-одевали. Так, почистить зубы и нырком в постель. Боже, как я устал. Может, снотворное попросить?* – не успел я подумать это, как провалился в темноту. Проснулся я от шума, похожего на работу тяжёлой техники, то ли тракторов, то ли экскаваторов. На улице что-то скрежетало и ухало. Я выглянул в окно и только тут понял, что я... на своей даче под Москвой, в большой комнате, лежу на кровати, на которой спали бабушка с дедушкой, а потом и мои родители. Я похолодел, по коже побежали крупные мурашки, но страх в ту же секунду сменился ощущением счастья и какого-то избавления: кошмар кончился, я свободен, я дома. *Но почему я на даче – в мае?* Наскоро надев на себя первую попавшуюся дачную хламиду, я выскочил на улицу. И увидел странную и даже страшноватую картину. Весь большой полугектарный участок, доставшийся мне по наследству от деда, боевого советского генерала, так же, как и участки соседей, был полностью изрыт и перекопан, всюду виднелись валы тёмно-коричневой подмосковной глины, кучками были сва-

лены остатки пней, а местами чернели прогалины от костров. Справа и слева работали огромные бульдозеры, равняющие весь этот хаос, а на соседском участке ржавая вышка, приделанная к заляпанному грязью КАМАЗу, со свистом и тяжёлым стуком забивала бетонные сваи в землю. Я бросился к ближайшему бульдозеру, ноги плохо меня слушались, я отчаянно замахал руками, и тяжёлая машина остановилась. Дверка кабины открылась, на ее пороге появился весёлый тракторист в пятнистой форме и грязных сапогах. – Чего орёшь? – спросил он меня приветливо, вынимая сигарету из нагрудного кармана. – Что здесь происходит? – действительно заорал я, – Это моя земля, мой, то есть наш, участок, вы что здесь делаете вообще? – Как чего? Дорогу строим, шоссе Восток-Запад, высшей категории. – сказал он с некоей гордостью, глубоко затягиваясь сигаретой. – Все дома здесь снесут, твой последний остался. Долго спал, мужик! – Я обливался холодным потом, слова застревали в горле. – Где ваше начальство? – Где-где, – ухмыльнулся бульдозерист, – В Москве. Главдорспецстрой. – Я буду жаловаться! – продолжал я выкрикивать бесполезные слова. – Я до президента дойду! – Жалуйся, жалуйся. Доходи, доходи, – милостиво разрешил он. – Только как бы мы тебя раньше с халупой твоей в глину не закатали. – Да как ты смеешь, сволочь такая, – я начал задыхаться, в глазах у меня помутилось. Я сделал нечеловеческое усилие, напряг, казалось, все жилы в руках и ногах, и вновь открыл глаза. Через щели в тяжёлых гардинах

начал пробиваться предутренний свет, знакомая мне императорская спальня была чуть различима, но её я сразу узнал и всё сразу понял. — А-а-а, — громко застонал я. — *Где сон, где явь? Что лучше, где лучше?* — Ваше Величество, вам плохо, — у кровати стоял верный Чемодуров и держал меня за руку. — Опять головные боли? Может, докторов позвать срочно? — Нет, никого не надо. Плохой сон приснился. Который час? — Да ещё только полшестого. В девять доктора придут, а в десять у вас завтрак с Вячеслав Константинычем, фон Плеве, государственным секретарём. — Ах, да-да, я министра двора, с двойной фамилией, просил этого Плеве к себе на приём позвать. — Так точно-с, Воронцов-Дашков, они и позвали-с. — Вот видишь, я что-то помню. Не всё ещё забыл. — Чемодуров опустил глаза: — Вы поспите, Ваше Величество, а вас разбуду, когда следует. — И я опять провалился в сон, на этот раз чёрный и пустой.

Завтрак с секретарём Государства Российского

Чемодуров действительно разбудил меня вовремя, я быстро умылся, брызнул одеколоном на усы и бороду. - *Как непривычно в них, как будто на верхней губе и подбородке что-то приклеено.* – Чемодуров подал мне однотонный защитного цвета френч.– Доктора вас уже ожидают в бильярдной. – Несмотря на ужасный сон, я чувствовал себя бодро и уверенно, как будто заранее знал, что никто ничего у меня не найдёт. Войдя в бильярдную, я понял, почему осмотр на этот раз решили делать не в кабинете: бильярдный стол был сдвинут в сторону, на его месте стояли какие-то аппараты, похожие на снаряды в допотопном тренажёрном зале. Сбоку сбились в кучку несколько врачей и сестёр в белых халатах. Меня пригласили присесть на эти «тренажёры», заставляли делать руками и глазами разные движения, то и дело светя фонариком в глаза. Я благодушно терпел все эти процедуры, понимая, что ни рентген, ни томограф, к сожалению, ещё не изобрели. Затем меня заставили сдать анализы крови и мочи, после чего старший из докторов, возможно Алышевский, опять обратился ко мне: – Ваше Величество, наши исследования подтверждают, что никаких опухолей или других серьёзных отклонений у вас не обнаружено. Результаты анали-

зов будут готовы к вечеру, но на данный момент мы готовы поручиться, что вы – совершенно здоровы. А долговременная память должна к вам вернуться. – Уже возвращается, – подтвердил я, – только очень медленно.

Выйдя из билиардной, я опять столкнулся с Чемодуровым. – А государыня, выйдет к завтраку? – Её величеству нездоровится, велела не будить и завтракать без неё. – *И к лучшему*, – подумал я и быстрым шагом пошёл в знакомую трапезную. У стола в противоположном углу зала спиной ко мне стоял большой и широкий человек в чёрном сюртуке. – *Все они*, – подумал я, – *не то, чтобы толстые, а такие... не маленькие*. – Услышав мои шаги, человек обернулся и низко и слегка подобострастно поклонился. Его седые и пышные, как у моржа, усы контрастировали с тёмной, не тронутой серединой шевелюрой, а умные карие глаза изучающе посмотрели на меня из-под высокого лба. – Здравствуйте, Вячеслав Константинович, – сказал я, довольный сам собой. – *Сколько ж нужно этих имён и отчеств запомнить, ужас*. – Доброе утро, Ваше Величество, – промолвил похожий на моржа человек и опять низко поклонился. Сели за стол, неслышные лакеи налили мне чай, а ему кофе. – *Часто бывает здесь*, – подумал я, – *раз халдеи знают его привычки*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.